

УДК 94 (73)
ББК 63.3(7Coe)

Политика памяти: вариант США

И.И. Курилла

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Memory Politics: US

I.I. Kurilla

European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

Конфликты по поводу прошлого характерны для Соединенных Штатов в не меньшей степени, чем для европейских стран, хотя там их чаще относят к разновидности «культурных войн». Они особенно ярко проявляются в периоды внутривнутриполитических кризисов, поскольку роль внешней политики в американском дискурсе чрезвычайно мала. Так, память о Второй мировой войне в США использовалась исключительно для сплочения нации и не стала, в отличие от многих европейских стран, основанием для конфликта с соседями. В статье показано, как два крупнейших конфликта по поводу прошлого в последнюю четверть века связаны с кризисом сначала республиканской партии (случай выставки «Энола Гэй» в 1995 г.), а затем демократической партии (случай сноса памятников конфедератам в 2017 г.). Атака на символы прошлого, которым приписывается негативное значение, позволяет активистам мобилизовать сторонников и преодолеть идейный вакуум, характерный для кризисного момента. В других случаях по поводу как внешнеполитических «извинений за США», так и протестов италоамериканцев в связи с отказом от коммеморации Христофора Колумба, конфликт не приобретает общенационального характера.

Ключевые слова: политика памяти, культурные войны, память в США, Энола Гэй, снос памятников.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-04

Термин «политика памяти» и метафора «войны памяти» появились в Восточной Европе, и именно здесь получили широкое распространение [1, 2]. Однако конфликты вокруг памяти о прошлом происходят и за пределами европейского пространства. Большим исследовательским полем является, в частности, битва интерпретаций Второй мировой войны в Восточной Азии. В Соединенных Штатах Америки отношение к прошлому полно собственных конфликтов, однако к ним редко применяют

Conflicts about the Past are no less characteristic of the United States than of European countries, although there they are more often referred to as a variant of culture wars. They are especially pronounced during periods of internal political crises, since the role of foreign policy in American discourse is almost negligible. Thus, memory of the World War II in the United States was used to unite the nation and did not, unlike in many European countries, become a basis for conflict with its neighbors. The article demonstrates how the two harshest conflicts over the Past in the last quarter century were connected with the crises, first of the Republican Party (the case of the Enola Gay exhibition in 1995), and then the Democratic Party (the case of the removal of Confederate monuments in 2017). The attack on the symbols of the Past after they ascribed to them negative meanings allows activists to mobilize supporters and overcome the ideological vacuum characteristic of a critical period. In other cases, both regarding the foreign policy “apologies for the USA” or the protests of the Italo-Americans after the authorities’ rejection to commemorate Christopher Columbus, conflicts did not acquire national character

Key words: memory politics, culture wars, memory in the USA, Enola Gay, demolition of monuments.

словосочетание «политика памяти» (редкие примеры показывают, насколько специфично использование этого термина в американской научной литературе [3]). Споры по поводу ценностей и отношения к прошлому относят в этой стране к категории «культурных войн».

Американские исследователи противопоставляют подход к прошлому со стороны «социальных наук» (social studies approach), в котором акцентируются проблемы современности, диктующие ин-

терес к прошлому (считают, что этот подход связан с левой политической повесткой дня), «традиционному» историческому подходу, продолжающему видеть в изучении прошлого воспитание патриотизма и гражданских доблестей (данный подход поддерживает правая часть политического спектра) [4, р. 266]. Исследователи из Европы, напротив, готовы исследовать американские споры вокруг прошлого с помощью знакомой «сетки координат».

«Нация иммигрантов», Америка объединена скорее идеалами, чем общим прошлым. Собственные варианты исторического нарратива выработали различные сообщества, и существует большой набор тем, по-разному (иногда антагонистически) описываемых афроамериканцами и мексикано-американцами, коренными американцами и потомками итальянских иммигрантов, феминистками и консерваторами. Вместе с тем, доминирующий «режим памяти» остается англо-американским и евро-американским, он, по выражению европейского исследователя американской идентичности Дьердя Тота, утверждает свои правила «железной рукой», примерами чего являются ритуалы поднятия национального флага, гражданская клятва верности и прочие «изобретенные традиции» гражданской публичности [5]. Частью этих ритуалов является обращение к военному прошлому, полям битв и к памяти павших.

Надо отметить, что появление «войн памяти» в США относится к тому же периоду, когда отношение к прошлому стало политизироваться в Европе. Любопытно, что память о Второй мировой войне, послужившая во многих частях Европы поводом к началу «войн памяти» и лежащая в основе большинства «исторических политик» старого континента, в Соединенных Штатах воспринимается как способ объединения. Всплеск интереса к войне в конце 1990-х – начале 2000-х гг. – премьера блокбастера «Спасти рядового Райана» (1998), публикация бестселлера Тома Брокау «Величайшее поколение» (1998), давшее новое имя поколению ветеранов Второй мировой, наконец, создание Мемориала Второй мировой войны на Национальном молле в Вашингтоне (2003) – риторически были оформлены как уроки гражданственности для нынешнего поколения американцев, не умеющего прийти к согласию по поводу единства американской культуры и выработать общую идентичность [6].

Примером конфликта по поводу военного прошлого, которое американское государство попыталось решить, был вопрос об интернировании американцев японского происхождения в годы Второй мировой войны. После десятилетий замалчивания в 1988 г. президент США Рональд Рейган подписал закон о гражданских свободах, в соответствии с которым каждому интернированному были выплачены 20 тысяч долларов [7]. Но только в феврале 2020 г.

штат Калифорния (откуда и было выслано подавляющее большинство японо-американцев) принес официальные извинения [8]. Вопрос о допустимости извинений от имени Соединенных Штатов Америки за совершенные в прошлом ошибки и преступления является одной из линий раскола между республиканцами и демократами. Республиканцы часто цитируют бывшего президента Джорджа Г.У. Буша, любившего повторять, что он «никогда не будет извиняться за Соединенные Штаты Америки». Другой видный политик-республиканец Митт Ромни озглавил одну из своих книг «Никаких извинений» [9], атакуя президента-демократа Барака Обаму именно за его «извинения» (в той или иной форме) перед другими странами. Обама, в свою очередь, в самом деле подходил к международным проблемам прошлого как к требующим признания ошибок, вызывая этим критику консерваторов [10]. Однако для американского общества внутренние проблемы, в том числе вопросы оценки прошлого, оставались намного более важными, чем любые международные «войны памяти».

Далее мы кратко охарактеризуем три сюжета, которые можно с уверенностью отнести к проявлениям «политики памяти» в США, случившиеся в период после окончания «холодной войны»: протяженную битву вокруг учебников истории, конфликт вокруг выставки Смитсоновского института в 1995 г., посвященной 50-летию атомной бомбардировки Хиросимы, и снос памятников конфедератам в 2017 г.

Учебники истории не только участвуют в воспроизводстве национальных культурных символов, но и формируют новые общественные предпочтения [11]. Неудивительно, что вокруг содержания учебников истории в США идет непрекращающаяся борьба. Она началась намного раньше, чем европейские «войны памяти», но до поры до времени разные учебники были просто разделены географически. На протяжении последней трети XIX – начала XX вв. учебники истории для школьников северных и южных штатов радикально отличались друг от друга. Южные штаты требовали, чтобы авторы учебников изображали Конфедерацию с симпатией, а на севере дети изучали измену южан. Большие издательства публиковали отдельные издания учебников истории для Юга и для Севера США [12, р. 68].

«Ревизионизм» в американской исторической науке начиная с 1960-х гг. выдвинул «левую» критику официального нарратива отечественной истории. Вся патриотическая версия, доминирующий нарратив школьных учебников оказались под ударом. Исследователь исторического образования Дж.У. Лёвен выдвинул однажды тезис, который только на первый взгляд кажется парадоксальным: «Для США было бы лучше, если бы учебники по амери-

канской истории писались представителями другой страны» [13]. В своей весьма популярной книге Дж.У. Лёвен анализирует основные составляющие доминирующего в США режима памяти, разбирая «патриотические» трактовки в школьных учебниках таких тем, как расизм, война во Вьетнаме, отношения с индейцами, усиление государства и другие вопросы. Книга стала образцовым списком «левых» претензий к «правому» историческому нарративу [14].

Правые, в свою очередь, ведут собственные бои за историю. В получившем наибольший резонанс случае в 2010 г. Совет по образованию штата Техас, в котором большинство принадлежало консервативным республиканцам, одобрил новый стандарт исторического образования. Решением Совета из числа фигур, обязательных для изучения, был удален Томас Джефферсон (считающийся слишком радикальным), зато включены в качестве предтеч американской войны за независимость Жан Кальвин и Фома Аквинский. Помимо этого, Совет вычеркнул из проекта стандарта требование к школьникам знать, что «Конституция запрещает правительству США отдавать предпочтение одной религии в ущерб другим» [15].

Конфликт вокруг учебников рисует основную линию раскола американского общества в его отношении к прошлому: по одну сторону от нее остаются патриоты, сторонники истории, воспитывающей гордость и гражданственность, уважение к религии и к государству; по другую – либералы, требующие включить в программу знание о «другой стороне» истории, показать взгляд угнетенных, проигравших, непривилегированных групп общества. Очевидно, что первый взгляд более гомогенен, тогда как второй предлагает плюралистический и релятивизирующий подход к национальному прошлому.

Первым открытым конфликтом по поводу памяти считают в США историю отмены выставки, посвященной 50-летию юбилею атомной бомбардировки Хиросимы [16]. Смитсоновский институт в конце 1994 г. объявил о подготовке выставки, авторы которой планировали свести вместе два рассказа об атомной бомбе: как об оружии, принесшем мир и победу, и как об оружии, принесшем массовую гибель жителям Хиросимы и страх всему миру. Выставка должна была рассказать о создании атомной бомбы, решении применить ее против городов Японии, полете бомбардировщика «Энола Гэй» (самолет должен был стать центральным экспонатом выставки), результатах бомбардировки, ее роли в окончании войны и о новой эре «холодной войны», которую она возвестила. Авторы этих планов и сам Смитсоновский институт немедленно стали объектом атаки со стороны патриотических организаций, групп ветеранов и консервативных политиков. Авторов выставки обвинили в «похищении истории», «антиамериканиз-

ме», «политически корректном» искажении истории, привнесении «контркультурных ценностей» эпохи Вьетнамской войны в описание «последней хорошей войны» Америки. Перед лицом запросов со стороны консервативных СМИ и конгрессменов Национальный музей авионавтики и космонавтики отменил выставку, но возмущение продолжалось еще много месяцев. Лидер республиканцев в Сенате Боб Доул в сентябре 1995 г. продолжал обвинять «интеллектуальные элиты, которые, кажется, стыдятся Америки», «деятели образования и профессоров», разрушающих основы единства американцев, «их язык, историю и ценности», приводя в пример несостоявшуюся выставку в Смитсоновском институте [17, р. 2–4].

Другое открытое столкновение по поводу прошлого случилось в 2017 г. На этот раз в центре оказалась коммеморация Конфедеративных Штатов Америки (КША), на протяжении полутора сотен лет сохранявшаяся в двух вариантах – «северном» и «южном». К югу от линии, разделявшей верные федеральному правительству США штаты и Конфедерацию, почти невозможно найти памятники президенту Аврааму Линкольну, зато там до последнего времени во множестве стояли памятники президенту КША Джефферсону Дэвису и, конечно, генералу Роберту Э. Ли, напрочь отсутствующие на Севере. Гражданская война в США завершилась почетной сдачей генерала Ли, и дальнейшие усилия общества и государства были направлены в значительной степени на реинтеграцию Юга в состав США, что подразумевало и сохранение южного нарратива войны, с его представлением об «обреченной, но благородной борьбе». Историческая память США удивительным образом сочетала два разных образа ключевого события в истории страны, закрепив компромисс «двух Америк».

Однако со второй половины прошлого века в американском обществе происходило постепенное переосмысление Гражданской войны. Вместо спора о «мятеже» и «правах штатов» на первый план вышла проблема рабства афроамериканцев, и образ Конфедерации как «благородного, но проигранного дела» покрылся темными пятнами. Первые признаки того, что сосуществованию двух символических вселенных приходит конец, появились на рубеже XX–XXI вв. Сначала под ударом оказался флаг Конфедерации, точнее, боевой флаг армии Северной Виргинии, основа которого использовалась в качестве флага Конфедерации в 1863–1865 гг. В конце 1950-х гг., когда движение за гражданские права начало свою борьбу против сегрегации афроамериканцев, этот флаг стал активно использоваться противниками десегрегации. По их мнению, Юг в это время, как и столетие назад, боролся за «права штатов», и флаг был символом такого сопротивления

ния. В 1956 г. флаг Конфедерации стал частью официального флага Джорджии, а в 1961 г. легислатура Южной Каролины постановила поднять его над куполом капитолия штата.

Новое тысячелетие началось с критики этой практики. Защитники флага апеллировали к традициям и доблести Юга, однако тот факт, что в XX в. его поднимали именно защитники сегрегации, не позволил отделить этот символ от угнетения и рабства, с которыми он ассоциировался. В результате протестов общественности в 2000 г. Южная Каролина перенесла флаг с купола капитолия к монументу солдатам Конфедерации, а в 2001 г. Джорджия полностью отказалась от использования флага.

Избрание президентом страны в 2008 г. первого афроамериканца Барака Обамы подхлестнуло процесс переосмысления американского прошлого. Либеральные СМИ и демократические политики заговорили о символической важности этого момента как окончательной черты, подведенной под расколом Гражданской войны. Однако последующие события показали, что для многих американцев избрание Обамы, напротив, пробудило и обострило старые противоречия.

Новый натиск на коммеморацию Конфедерации начался в 2015 г. В тот год белый расист расстрелял нескольких черных прихожан в церкви Чарльстона, штат Южная Каролина, а в его профиле в фейсбуке обнаружили фотографию с флагом Конфедерации. Это послужило стартом кампании за отказ от флага. Он был объявлен символом расизма и рабовладения, флаг удаляли даже из компьютерных игр. Однако до памятников Роберту Эдварду Ли дело дошло только в 2017 г. Пример показал Новый Орлеан, где (со ссылкой на ту же трагедию 2015 г.) демонтировали первый из таких памятников. Решение о сносе проводили в жизнь ночью, под сильной вооруженной охраной и на машинах с закрытыми номерами (в адрес рабочих поступали угрозы). В этой «войне памяти» не обошлось без жертв. В августе 2017 г. крайне правый активист въехал на автомобиле в толпу сторонников сноса памятника главнокомандующему армией Северной Виргинии генералу Роберту Эдварду Ли в виргинском городе Шарлотсвилл, убив одну участницу и ранив еще девятнадцать человек [18].

Логика тех, кто выступал за снос памятников, ясна: Конфедерация существовала, чтобы сохранить рабство чернокожего населения, и коммеморация военных деятелей КША оскорбительна для потомков рабов и для всех, кто считает рабство морально неприемлемым. В Дареме (Северная Каролина) толпа снесла памятник солдату Конфедерации. Защитники этого действия высказывали мнение, что мемориализация солдата означает мемориализацию дела, за которое он боролся.

Логика защитников монументов Юга тоже понятна: «либералы и левые» покушаются на их историческую идентичность, называют героев преступниками и пытаются довоевать Гражданскую войну. В целом в защиту монументов выступила консервативная часть Америки, южане, — самые традиционные слои общества, среди которых были и откровенные расисты, сторонники «белого превосходства», и более умеренные романтические почитатели южного мифа.

Снос памятников чаще всего характерен для смены политического режима и его легитимирующих оснований, достаточно вспомнить события 1917–1918 гг., «ленинопад» на Украине в 2013–2016 гг.¹ или процесс демонтажа памятников Франсиско Франко в Испании. Однако в США «режиму», как представляется, ничего не угрожает. И тем не менее, демонтаж памятников является косвенным свидетельством глубины переживаемых американским обществом перемен.

Посмотрим, есть ли что-то общее в контекстах двух крупнейших конфликтов по поводу памяти в недавней американской истории. Исследователи связывают обострение «исторических битв» 1995 г. с реформированием повестки дня Республиканской партии, которая, потеряв контроль над Белым домом и Конгрессом в начале 1990-х гг., обратилась к мобилизации консервативного электората с помощью поворота к истории, укреплявшего патриотически-националистический этос республиканцев [5].

В свою очередь, победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. дала надежду тем самым жителям американской глубинки, что тренд на вымывание их идентичности будет развернут вспять. Под этим углом зрения приход Трампа стал реваншем за президентство Обамы. Долгое время считавшие себя притесняемыми, находившиеся в глубокой обороне антилиберальные группы американцев решили, что времена наконец изменились. Для многих из них именно миф о Конфедерации является важным символом сопротивления либеральному федеральному центру.

И теперь уже либералы, увидевшие в приходе Трампа угрозу либеральному порядку, вышли на улицы. Снос памятников деятелям Конфедерации стал одним из способов мобилизовать либеральную часть американского общества, найти новую платформу для усиления деморализованной проигравшей Демократической партии. Для многих – с обеих сторон – происходящая битва за символы стала решающей битвой за Америку.

¹ Любопытно, что вскоре после событий в Шарлоттвилле мэр Сиэтла призвал демонтировать не только мемориалы Конфедерации, но и монумент Владимира Ленина, установленный в этом городе на частные деньги.

Мы видим, что американские «войны памяти» обострялись в моменты, когда одна из ведущих партий оказывалась в глубоком кризисе. Атака на инициативы и символы доминирующего мемориального режима (на попытку многостороннего взгляда на атомную бомбардировку Хиросимы в период президентства Билла Клинтона и на памятники Конфедерации во времена Дональда Трампа) является способом мобилизации активистов и предложением объединяющей идейной платформы, не связанной с конкретной повесткой дня современной политики, которая в такие моменты еще не сформирована.

В этой вспышке активизма символическая миссия наделяется свойствами, которые выходят за рамки замысла ее создателей. Так, памятники солдатам и деятелям Конфедерации могли нести для значительной части населения положительные коннотации, однако атакующие дискурсивно наделяют памятник исключительно негативным смыслом и сносят его как воплощение этого смысла. Показательно, что одним из главных аргументов сторонников сноса памятников стало сгущение хронологии их создания вокруг периода усиления сегрегации около 1910 г. и битв против нее в 1960-е гг., что, по их мнению, является доказательством расистского характера всей коммеморации Юга. Альтернативное объяснение, например, наличие юбилейных дат 50-летия и 100-летия событий, в дискурсе отсутствует.

Близким сюжетом стало переосмысление американским обществом роли Христофора Колумба. Открытие Америки, в соответствии с современными представлениями, принесло коренным жителям Нового Света уничтожение, покорение, вытеснение и нищету, и традиционный праздник «День Колумба», как и топонимическая коммеморация первооткрывателя, становятся неприемлемыми. Однако День Колумба в США традиционно был центральным праздником итальянской общины. Италоамериканцы видели в великом путешественнике, первым достигшем американского континента, своего предшественника, а праздник использовали как повод для самопрезентации и утверждения своей идентичности (как, например, ирландцы – День святого Патрика). Борьба с Колумбом создала новый конфликт между этническими группами в США [19].

Важным также представляется то, что «битвы памяти» в этих случаях включали действия активистов: пикетирование Смитсоновского института и снос монументов. Именно действия придают конфликту политическую силу, включают процессы мобилизации и создают ресурс для лидеров этого движения. Этот вывод перекликается с утверждением выдающегося исследователя исторической памяти Джея Уинтера о роли ритуала в поддержании памяти [20]. Действия по отношению к символическому объекту – его защита, снос или поклонение ему – создают живое пространство коммеморации, делают память частью политики и общественного дискурса.

Библиографический список

1. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера и М. Липман. М., 2012.
2. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2018.
3. Capozzola Chr. A Very American Epidemic: Memory Politics and Identity Politics in the AIDS Memorial Quilt, 1985–1993 // *Radical History Review*, 82 (Winter 2002).
4. Hartman A. A War for the Soul of America: A History of the Culture Wars. 2nd ed. Chicago, 2019.
5. Toth G. The Politics of Public Memory in the United States // Kryštof Kozák, György Tóth, Paul Bauer, Allison Wanger. *Memory in Transatlantic Relations: From the Cold War to the Global War on Terror*. London, 2019.
6. Biesecker B. A. Remembering World War II: The Rhetoric and Politics of National Commemoration at the Turn of the 21st Century // *Quarterly Journal of Speech*. 2002. November, Vol. 88, No. 4.
7. From Pearl Harbor to an Apology, an Internment Timeline // *The New York Times*. 2015. November 27.
8. Brockell G. Japanese Americans Were Sent to Camps with California's Help. Now the State Will Apologize // *The Washington Post*. 19 February 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/02/19/japanese-americans-were-sent-camps-with-californias-help-now-state-apology-is-coming/>
9. Romney M. No Apology: The Case for American Greatness. New York, 2010.
10. Fisher M. Obama, Acknowledging U.S. Misdeeds Abroad, Quietly Reframes American Power // *The New York Times*, 2016. September 8. URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/08/world/americas/obama-acknowledging-us-misdeeds-abroad-quietly-reframes-american-power.html>.
11. Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград, 2009.
12. Ravitch D. The Language Police: How Pressure Groups Restrict What Students Learn. New York, 2003.
13. Лёвен Дж.У. Преподавать подлинную историю // *Американский ежегодник*, 2005. М., 2007.
14. Loewen J.W. Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong. New York, 1995. 2nd ed. 2007.

15. Texas Education Board Approves Conservative Curriculum Changes by Far-Right // Huffington Post, 12 May, 2010. URL: https://www.huffpost.com/entry/texas-education-board-app_n_497440.

16. Шейд У. Ранний отблеск бомбы: истоки холодной войны и проблемы публичной истории // История : электронный научно-образовательный журнал. 2014. Т. 5, вып. 7 (30). URL: <https://history.jes.su/s207987840000826-7-1/>.

17. Linenthal E.T., Engelhardt T. Introduction: History Under Siege // Linenthal, Edward T., Engelhardt, Tom (eds.).

History Wars: The Enola Gay and Other Battles for the American Past. New York, 1996.

18. Беспорядки в Шарлотсвилле, где автомобиль врезался в толпу демонстрантов // Медуза. 2017. 13 авг. URL: meduza.io/feature/2017/08/13/besporjadki-v-sharlotsville-gde-avtomobil-vrezalsya-v-tolpu-demonstrantov-glavnoe.

19. Caron Chr. Why Some Italian-Americans Still Fiercely Defend Columbus Day // The New York Times. 2018. October 5.

20. Winter J. Remembering War: The Great War Between Memory and History in the 20th Century. New Haven, 2006.